

Лю Чжиян поднялся в салон, сжимая в руках автомат. Кортёж из более чем тридцати черных «кадиллаков» на предельной скорости рванул к вилле Гань Чуаня.

За окном со свистом проносился пейзаж. Встречный ветер взъерошил волосы Чжияна, но был не в силах разгладить суровую складку у него на лбу.

«Неужели Тай Цзинь раскусил замысел Гань Чуаня? — размышлял он. — Но даже если и так, с чего устраивать подобный размах? Или это Чэнь Сун? Хватит ли у него дерзости? Он ведь сейчас по уши в проблемах из-за закрытия казино. Зачем ему нападать на Гань Чуаня? Очередная многоходовка?»

Машины влетели на территорию виллы, мгновенно взяв особняк в кольцо. Едва «кадиллак» затормозил, Лю Чжиян выскочил наружу. Велев людям ждать снаружи и держа оружие наготове, он переступил порог.

На первом этаже царила глухая тишина. Но стоило ему подойти к лестнице, как сверху донеслось фальшивое, режущее слух завывание — кто-то безбожно коверкал мотив песни «На берегу озера Байкал».

За исключением этого сольного концерта, в доме было непривычно спокойно. Ни малейшего намека на угрозу. Чжиян поднялся на второй этаж и, остановившись у хозяйской спальни, осторожно окликнул Гань Чуаня.

Из проема неожиданно выскочила тень.

Пальцы Чжияна сработали быстрее мысли — выстрел грохнул в узком коридоре.

Фигура ловко отшатнулась, и тут же раздался возмущенный вопль:

— Ты чего воюешь?! Это же покушение на собственного мужа! Покушение, Ян-Ян!

Лю Чжиян присмотрелся. Перед ним стоял Гань Чуань — в одних трусах-боксерах.

Впрочем, запала хватило ровно на секунду. В следующий миг Гань Чуань уже с энтузиазмом вопил:

— Дорогой, а ствол-то у тебя знакомый... О, слушай, иди скорей сюда! Я тут на городском рынке кучу барахла набрал. Глянь, что лучше подойдет для рудника «Хунпинь»? Надо же сойти за своего среди шахтеров...

Снизу грохнул одиночный выстрел — подчиненные Чжияна давали сигнал, проверяя, жив ли начальник.

Гань Чуань подошел к окну, высунулся наружу и изумленно вытаращился на двор:

— Ничего себе... Откуда столько народу? Что стряслось?..

Лю Чжиян в два широких шага сократил дистанцию и с отмаши впечатал приклад прямо ему в макушку.

Гань Чуань сидел на стуле, прижимая к голове мокрую марлевую салфетку. На левой стороне темечка у него еще не сошла прежняя шишка, а теперь справа красовалась свежая, ничуть не меньше.

Лекарственная пропитка жгла ссадину, заставляя его корчиться и шипеть от боли.

Однако, бросив взгляд на Лю Чжияна, который неподвижно замер на диване, Гань Чуань предпочёл засунуть стоны подальше.

— Дорогой... Не думал, что ты так обо мне переживаешь, — подал он голос.

Лю Чжиян сидел скрестив руки на груди, и его пальцы слегка дрожали. Ему было страшно даже представить, что случилось бы, окажись тот выстрел хоть на пару сантиметров точнее.

Поднявшись со стула, Гань Чуань подсел к нему на диван. Он обнял Чжияна за плечо, а не встретив сопротивления, перебрался ладонью к его шее, мягко поглаживая чувствительную кожу:

— Ну же, милый, не злись. Я знаю, ты волновался. Обещаю, в следующий раз обязательно отвечу на звонок, идет?

Идеально уложенная прическа Чжияна слегка растрепалась, несколько прядей упали на виски. Нахмуренные брови, сжатые в узкую линию губы и тяжелый, укоризненный взгляд, устремленный в пустоту, придавали ему строгий, но донельзя изысканный вид. Узел галстука слегка съехал в сторону.

У Гань Чуаня от этого зрелища сладко защемило в груди. Сделав вид, что хочет поправить ему галстук, он перешел к более откровенным ласкам.

Тонкая ткань рубашки плотно облежала тело Лю Чжияна. Гань Чуаню всегда казалось, что в этой строгой недосказанности кроется особое очарование. Ощущая живое тепло и пылкий, частый стук сердца, он сжимал его в объятиях все крепче.

У Чжияна просто опустились руки. Получил прикладом по голове — и все равно думает только об одном!

Смахнув с себя наглые ладони, он буркнул:

— Зачем ты меня звал?

— Ах да, точно! — встрепнулся Гань Чуань. — Идем скорей! Поможешь выбрать, в чем я буду смотреться настоящим работягой с «Хунпиня»!

Во времена учебы в Китае Чжиян замечал, что его одноклассники увлекались мобильной игрой «Miracle Nikki» — подбирали наряды для рисованной героини.

Сейчас Гань Чуань напоминал персонажа этой игры, переодеваясь снова и снова.

Вот только в игре наряжали миловидную девушку, а перед Лю Чжияном крутился полуголый мужик. Да и гардероб отличался: вместо изящных платьев Гань Чуань примерял кошмарное, безвкусное барахло, от которого резало глаза.

В конце концов он натянул черную рубашку с коротким рукавом, распахнутую настежь и сплошь усыпанную гигантскими алыми пионами. Покрутившись перед зеркалом, Гань Чуань сияюще повернулся к Чжияну:

— А вот это вещь! Ну как, дорогой, оценишь?

Лю Чжиян потер веки, чувствуя, что его эстетическое чувство подверглось жестокому насилию.

— Хотя... — Гань Чуань огладил себя по бёдрам и озабоченно нахмурился. — Статура у меня слишком уж аристократическая. На простого работягу не тяну. Скажи, милый?

Чжиян смолчал.

— Ну скажи, милый! — не отступал тот.

Лю Чжиян прикрыл ладонью дрогнувшие в улыбке губы и отвернулся к окну.

Тай Цзинь никак не ожидал, что Лю Чжиян снова отправится на рудник, да еще и притащит с собой пополнение из новых рабочих. Отговорить советника не удалось, поэтому Тай Цзиню

оставалось лишь строжайше наказать сыну, Тай Циню, не спускать с того глаз.

Прошло три дня. Гань Чуань окончательно вжился в роль.

В джунглях Муямы люди инстинктивно тянутся к сильным. Высокий, мускулистый, легкий на подъем и щедрый Гань Чуань быстро завоевал расположение горняков.

На «Хунпине» трудилось около полутора сотен человек самых разных возрастов — от пацанов лет четырнадцати до седых стариков под семьдесят. Рабочий день начинался в шесть утра и длился до десяти вечера с часовым перерывом на обед. Каждый выход из шахты сопровождался тотальным обыском.

По меркам Муямы за эту каторгу платили неплохо, поэтому желающих хватало с избытком. К тому же раз в неделю людям полагался полуденный «открытый день».

В эти часы горняки могли копать где угодно, а всю добычу забирать себе.

Правда, перед каждым таким «праздником» надзиратели рудника прочесывали жилы вдоль и поперек, выгребая все хоть сколько-нибудь ценное, пока не оставался один голый камень.

Надзиратели рудника — местная охрана и надсмотрщики, три десятка головорезов в защитных жилетах, поголовно вооруженные. Они следили за порядком в забое и шмонали рабочих на выходе, чтобы ни один самоцвет не утекал налево.

Тай Цинь числился среди них «старшим надзирателем».

Иерархию замыкал советник, управлявший всем рудником. В отсутствие Тай Цзиня эти полномочия перешли к Лю Чжияну.

Вот только Чжиян пробыл здесь три дня, и все три дня работы простаивали. На все приказы запустить забой Тай Цинь лишь огрызнулся, ссылаясь на несносную погоду и угрозу обвалов.

Подчинить себе надзирателей рудника Чжиян не мог, а обычные горняки тем более не стали бы слушать чужака.

Лю Чжиян решил взять выдержкой. Любой, кто хоть немного разбирался в бизнесе, понимал, во что обходится каждый день простоя. Пока советник оставался на месте, сорвать работу насовсем у Тай Циня не вышло бы.

Все эти дни Чжиян почти не покидал свой деревянный домик, изучая финансовую отчетность «Хунпиня». Бухгалтерию вели умело, сфабриковано было тонко, но опытный глаз все равно замечал нестыковки.

Чжиян задумчиво перебирал углы пожелтевших страниц.

«Значит, Босс Янь прекрасно знал о крысятничестве Тай Цзиня... И специально стравил его с Гань Чуанем, чтобы они перегрызли друг другу глотки. Жаль только, сам до этого дня не дожил».

Он перерыл все списки рабочих, но так и не нашел парня по имени Шэнь Цзяжуй. Тот был спутником Ван Синь и Цуй Цзыхань и, если верить агентам казино, в данный момент находился именно здесь.

Почему его нет в ведомостях?

Заодно Чжиян поднял историю самого рудника.

На Востоке статуи Ганеши в забоях просто так не ставят — обычно к их защите прибегают, если при раскопках потревожили старое кладбище или здесь произошла кровавая трагедия.

Предчувствие его не обмануло: десять лет назад на этом месте находилась угольная шахта. После страшного обвала, заживо погребшего рабочую смену, место забросили.

Лишь годы спустя Босс Янь где-то разузнал, что глубже залегают богатейшие жилы самоцветов, за бесценок выкупил заброшенные земли и основал рудник «Хунпинь».

Все три дня надзиратели рудника не спускали с них глаз, так что перекинуться с Гань Чуанем хоть парой слов не удавалось. Чжияну еду готовил личный повар и приносил прямо в дом.

Гань Чуань же питался из общего котла вместе с горняками.

Проходя мимо окон Чжияна, он нарочно орал во весь голос, чтобы тот слышал:

— Эй, вот это халява! Ни хера не делаешь, а кормят от пуза!

А через секунду тихо добавлял себе под нос:

— Мать вашу, да тут же помой, а не жратва...

Губы Чжияна тронула едва заметная усмешка.

На четвертое утро у Тай Циня сдали нервы. Проходя мимо домика, он увидел, что Лю Чжиян как ни в чем не бывало чинно завтракает за столом и собираться явно не намерен. Разъяренный надзиратель ворвался внутрь и одним пинком выбил стол из-под носа советника.

Лэй, чистивший зубы на склоне сразу за домом, услышал грохот, развернулся и прямо через окно швырнул зубную щетку. Она метко угодила Тай Циню в затылок.

В следующий миг Лэй влетел в комнату и сцепился с Тай Цинем прямо на глазах у Чжияна.

Лю Чжиян так и замер с поднятыми палочками в руке.

Он молча поднялся, подошел к уцелевшему кувшину, сделал глоток воды и, дождавшись, пока Лэй скрутит дебошира, наклонился и помог Тай Циню подняться.

— Младший директор Тай, к чему такие крайности? — ровным тоном поинтересовался Чжиян.

Тай Цинь яростно вырвал руку из захвата Лэя и ткнул пальцем в грудь Чжияну:

— Пошел вон отсюда, слышишь?! Убирайся!

Лю Чжиян едва заметно нахмурился:

— И в каком же качестве ты отдаешь мне приказы?

— Да я... Да я тебя!.. — От ярости мозги у Тай Циня окончательно заклинило. — Какая разница! Если завтра я снова увижу твою рожу на руднике, пулю в лоб пропишу!

— Ого, да у вас тут махач!

У крыльца нарисовался Гань Чуань в окружении целой толпы рабочих. Он с любопытством заглядывал в открытые двери.

Тай Цинь выскочил на крыльцо и заорал:

— Чё вылупились?! Проваливайте к чертям!

Глядя на его заплывший, лиловый глаз, горняки дружно прыснули в кулаки.

Гань Чуань изобразил сочувствие:

— Братан, ты б приложил льда, а то ведь совсем глаз вытекнет!

— Ты-ы... — Тай Цинь задыхался от злобы.

Лю Чжиян вышел из дома и спустился к собравшимся.

Шахтеры уже знали о прибытии нового советника, но лицом к лицу увидели его впервые. В безупречном костюме и при галстуке, подтянутый и ухоженный, этот Советник Лю казался пришельцем из другого мира на фоне чумазных, огрубевших от тяжелого труда людей.

— Я ваш новый советник, — чеканно произнес Лю Чжиян. Говорил он негромко, но в голосе звучала непререкаемая сталь.

Мужики переглянулись. По рядам пробежал шепоток — кто-то кого-то толкал локтем, пока импульс не дошел до Саньгоу, стоявшего рядом с Гань Чуанем.

Оглянувшись на подмигивающих товарищей, Саньгоу боязливо косился на Тай Циня и прошептал Гань Чуаню на ухо:

— Брат Чуань... Ребята просят узнать... Ну, тот самый вопрос... Когда забой-то откроют?

Простой не оплачивался, пайки урезали с каждым днем, но открыто высказывать недовольство люди боялись из-за угроз Тай Циня.

Гань Чуань, разумеется, все понимал. Расплывшись в подобострастной улыбке, он обратился к Чжияну:

— Господин советник, мужики спрашивают, когда к работе приступать?

Слова упали как камень в пруд — толпа гулом поддержала вопрос.

Лю Чжиян с трудом удержал лицо. Актерский талант Гань Чуаня пропадал зря — ему бы на подмостках выступать.

— Вы че, блядь, совсем из ума выжили?! — орал Тай Цинь, брызгая слюной. — Вам отдых дали, а вы еще недовольны?! А ну пошли прочь!

Горняки лишь ухмылялись. Свежеизбитый, с подбитым глазом, он продолжал корчить из себя хозяина. Не будь за его спиной вооруженных надзирателей рудника, с ним бы давно никто не считался.

Подтянувшиеся на шум надзиратели рудника начали грубо оттеснять толпу прикладами. Перед стволами автоматов людям пришлось неохотно отступить.

— Окончите завтрак — и в забой, — ровно произнес Лю Чжиян.

Гудение утихло. Все взгляды скрестились на нем.

Тай Циня перекосило:

— Чё ты сказал?

— Завтракайте, — повторил Чжиян, обращаясь к шахтерам. — После этого возобновляем добычу.

Люди замешкались, поглядывая на надзирателя.

Тай Цинь и сам понимал, что затягивать простой опасно: отцовский гнев за три дня убытков обещал быть страшным. Раз выгнать Лю Чжияна нахрапом не вышло, придется действовать тоньше.

Замысловато скривившись, Тай Цинь процедил:

— Ладно! Так и быть, уважим нового советника. Запускайте забой!

Смерив Чжияна бешеным взглядом, он развернулся и увел за собой надзирателей рудника.

Над рудником пронесся ликующий клич. Шахтеры побежали разносить весть по баракам — погруженный в спячку «Хунпинь» мгновенно ожил.

Саньгоу в восторге тряс Гань Чуаня за рукав:

— Брат Чуань, а ведь этот новенький советник — мировой мужик!

Гань Чуань, успевший соскучиться по Чжияну до сумасшествия, за эти секунды успел мысленно зацеловать его с ног до головы.

Чтобы удержать себя от отчаянных поступков на глазах у толпы, он с усилием сглотнул, хлопнул Саньгоу по плечу и потащил за собой.

— Пойдите, — окликнул их Лю Чжиян, сходя по ступеням. — Мой завтрак испорчен. Я поеду с вами.